

Александрия в восприятии русских путешественников эпохи Николая I

Построенная великим завоевателем мира Александрия Египетская давно была известна русским людям. Она упоминается еще в «Повести временных лет», а традиция посещения города русскими паломниками, церковными и государственными деятелями берет свое начало во времена Средневековья. Благодаря этим людям, оставившим записки о своем пребывании в Египте, а также знакомству с европейской литературой, к XIX в. у образованной части русского общества уже формируется образ северной столицы Египта. Однако именно во второй четверти XIX в., в период расширения разнообразных контактов между Российской империей и государством Мухаммада Али, русские люди по служебным делам начинают достаточно регулярно посещать Александрию. Каким они увидели этот славный город? Насколько тот образ, который у них предварительно сложился, совпал с личным восприятием? Ответы на эти вопросы мы и попытаемся дать.

Сразу заметим: почти никто из русских путешественников этой эпохи не был очарован экзотичной красотой восточного города. К этому времени арабский Восток уже был лишен того флера, который придавали ему сказки «Тысячи и одной ночи»: он достаточно прочно ассоциировался с отсталостью и нищетой. Нередко именно это прежде всего бросалось в глаза тем россиянам, которые оказывались в Египте. Так, не испытал особых восторгов, увидев Александрию, А. Н. Муравьев – автор неоднократно переиздававшегося в 1830-е гг. «Путешествия ко Святым местам». Чиновник Святейшего Синода, работавший затем в Азиатском департаменте МИД, он был также известен своей близостью к московскому митрополиту Филарету. В Александрии А. Н. Муравьеву прежде всего запомнился «белый и однообразный с почвою земли цвет всех ее строений, тесно сдвинутых, с террасами вместо крыш». Казалось, на всем лежала печать унылой однообразности, так не похожей на сказочный Восток, известный русским и европейским интеллектуалам по литературным произведениям. Особенно неприятное впечатление произвели на русского путешест-

* *Алексей Валерьевич Антошин* – д. и. н., профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (Екатеринбург).

венника «бледные и изможденные» лица жителей Александрии, которые «скитались как тени, в белых или синих рубищах, по грязным и тесным базарам, заставленным тощими верблюдами и ослами». «Все носит отпечаток нищеты и угнетения» [5; 97], – восклицал он.

Автор «Путешествия ко Святым местам» был, судя по всему, несколько разочарован и архитектурой Александрии конца 1820-х – начала 1830-х гг. Ему, наслышанному о былом великолепии этого города, показалось, что ныне Александрия «ничем не напоминает древней своей славы». Хотя ему и понравилось несколько зданий (дома Консулов, арсенал и дворец паши), но в целом архитектура восточного города не привела в восторг русского чиновника. Даже местные мечети не произвели на него того впечатления, как храмы Константинополя или Каира. Фактически, полагал русский путешественник, старая Александрия уже к началу 1830-х гг. исчезла, одной из причин чего были войны, которые вел Египет в XIX в. И это приводило к тому, что общий облик северной столицы Египта производил довольно тягостное впечатление. «Нельзя ничего себе представить грустнее остатков древней Александрии и окрестностей новой, – восклицал автор «Путешествия ко Святым местам». – Мертвая природа, изредка только оживляемая одинокими пальмами, утомляет взоры своей однообразностью; синее беспредельное море уныло набегает на низменные берега сей пустыни, покрытой горами белого щебня, где промеж ветхих оснований раскинуты убогие хижины Арабов. Сии груды – древняя Александрия!».

Автор «Путешествия ко Святым местам» весьма критически оценивал и последствия для Старой Александрии тех преобразований, которыми так гордился Мухаммад Али. Русский путешественник полагал, что некоторая вестернизация облика северной столицы Египта вела к уничтожению ее древней архитектуры. Фактически политика правителя Египта вела к тому, что прекращал свое существование один из наиболее самобытных городов арабского Востока.

Заметим, что и другие россияне, побывавшие в Александрии в 1830-е гг., довольно сдержанно оценивали свои впечатления от северной столицы Египта. Так, например, дипломат Н. Н. Муравьев-Карский в своих записках указывал, что путешественник, прибывающий из России, прежде всего обычно обращает внимание на растущие в Египте пальмы, так как у себя на Родине он, конечно, ничего подобного не видел. Однако чиновник отмечал, что пальма редко вызывает у русского человека восхищение, т. к. ее вид скорее «печален» и навеивает воспоминание о «безграничных пустынях» Африки [4; 86].

Конечно, указывал Муравьев-Карский, ранее не бывавшему на Востоке человеку все в Александрии покажется «необыкновенным и даже странным», но тот, кто знаком с восточными городами и бытом их жителей, найдет в этом городе для себя немного нового. Н. Н. Муравьев побывал в Александрии в начале января и застал здесь очень жаркую и душную погоду, «так что мухи во множестве роились и беспокоили». В общем, сделанное русским дипломатом описание восточного города совершенно не носило романтический характер.

Уже А. Н. Муравьев обратил внимание на те изменения, которые принесла Александрии реформаторская деятельность Мухаммада Али. Появление канала Махмудия, строительство судовой верфи привели к тому, что город стал значительно более привлекателен для иностранцев. Как отмечает востоковед Г. В. Горячкин, «потоки иностранцев хлынули в Египет, как в новую Калифорнию» [2; 255]. В середине 1840-х гг. население Александрии составляло более 140 тыс. чел. Город стал основным центром внешней торговли Египта, постоянно росло число судов, посещавших местную гавань, и объемы пассажиропотока. Г. В. Горячкин указывает, что работавшие здесь европейцы приложили немало усилий по упорядочению системы управления городом и улучшению его санитарного состояния [1; 13].

Следует отметить, что некоторые из русских путешественников все-таки оценили положительно нововведения Мухаммада Али. Так, «превосходный порт», «чистота и опрятность» на улицах города произвели впечатление на прибывшего в Александрию в 1847 г. русского горного инженера Е. П. Ковалевского – главу экспедиции, приглашенной Мухаммадом Али для разработки месторождений золота в Судане. Он даже заметил впоследствии: «Город же сам по себе имеет весьма приличный вид даже для запада, не только для востока... Нынче Александрия не только снаружи, но и внутри имеет вид европейского города с темным колоритом востока» [6; 9]. Впрочем, заметим, что и у Е. П. Ковалевского от Александрии осталось впечатление некоего однообразия: пальмы он уже видел в других странах, остальное же не вызвало у него восторга.

В отличие от главы экспедиции, его помощнику, простому уральскому золотых дел мастеру И. Т. Бородину, конечно, вид пальм не был столь привычен. Природу Нижнего Египта трудно сравнить с пейзажами Молдавии и Валахии – единственными иностранными государствами, где незадолго до этого побывал уральский мастер. И, тем не менее, никаких высказываний, свидетельствовавших о том, что египетская природа произвела огромное впечатление на него, в оставленном И. Т. Бородиным дневнике нет. Дневник Бо-

родина, конечно, уникален тем, что это единственная возможность узнать, как же воспринимался Египет XIX в. не русским интеллектуалом, а выходцем из среды простых уральских рабочих. Сын рудокопщика, Иван Трофимович Бородин, описывая Александрию, довольно сдержан в своих оценках: «Город хорошо укрепленный, здания большие есть, не то, что великолепные, нельзя назвать, но большие. Крыши на домах плоские, лучше сказать – непокрытые». И, наконец, как будто подумав еще немного, подводит некий итог своим оценкам: «Все же хороший город» [3; 7]. Конечно, сказывается, очевидно, и тот факт, что у простого уральского мастера было значительно меньше материала для сравнения, чем у такого опытного путешественника, как его начальник. Е. П. Ковалевский, видя чистоту на улицах Александрии и зная, как выглядели многие другие города Востока (да и Европы) той поры, мог осознать весь масштаб преобразований, которые были осуществлены Мухаммадом Али. На Ивана Бородина же все это не могло произвести такого впечатления.

Так какво же было впечатление от северной столицы Египта, которое оставалось у русских людей XIX в.? Никто из них не писал об «очаровании Востока», его чарующей атмосфере, в которую им хотелось погрузиться и остаться здесь навсегда. Унылый, однообразный пейзаж, не производящая особого впечатления архитектура, бедность местного населения – таким был тот реальный Восток, который предстал глазами русских людей. Определенную роль в этом сыграли и проводимые властью архитектурные преобразования, нередко уничтожавшие последние остатки сказочного колорита старого арабского Востока.

Литература

1. Горячкин Г. В. Русская Александрия: судьбы эмиграции в Египте. – М., 2010.
2. Горячкин Г. В. Формирование первых групп наемных рабочих капиталистического типа в Египте (вторая половина XIX в.) // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. – М., 1984.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 559.
4. Муравьев (Карский) Н. Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 гг. – Т. 1 : Военное и политическое состояние. – М., 1869.
5. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. – СПб., 1835. – Ч. 1.
6. Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. – Т. V : Путешествие во внутреннюю Африку (с картой и 17 рисунками). – СПб., 1872.